

В.И. Бартнев*

**ПОЛИТИКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ОТНОШЕНИИ ЛИВИИ
(1951–1969): ПАРАДОКСЫ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО
ВМЕШАТЕЛЬСТВА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С США****

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В 1950-е годы на Ближнем Востоке и в Северной Африке происходили поистине трансформационные сдвиги под воздействием мощнейшего всплеска арабского национализма. Приход к власти «Свободных офицеров» в Египте в 1952 г. и последующие действия режима Г.А. Насера создали условия для существенного изменения баланса сил в регионе в ущерб интересам ведущих держав Запада, что заставило их сосредоточиться на противодействии угрозе падения лояльных монархических режимов. Контрреволюционная деятельность велась Великобританией и США не только к востоку, но и к западу от Суэца, и в качестве одного из таких незаслуженно забытых фронтов «холодной войны» можно назвать Соединенное Королевство Ливия во главе с королем Идрисом I, появившееся на карте мира в 1951 г.

Ключевым действующим лицом на ливийской сцене в те годы была Великобритания, проявившая наибольшую активность в деле создания, укрепления и сохранения ливийского бастиона влияния Запада в стратегически важном регионе. Предлагаемая статья призвана восполнить пробел, объективно существующий в историографии международных отношений на Арабском Востоке в 1950–1960-е годы, и раскрыть содержание сложной дипломатической игры, которую вел Лондон в Ливии, с опорой на новейшие исследования историков Туманного Альбиона и использованием рассекреченных британских и американских документов, большая часть которых впервые вводится в научный оборот. Раскрывая особенности реализовывавшейся Великобританией в Ливии стратегии «избирательного вмешательства» и взаимодействия с США, автор приходит к выводу, что случай с Ливией можно рассматривать как

* *Бартнев Владимир Игоревич* — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов, директор Центра проблем безопасности и развития при факультете мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (vladimir.bartnev@fmp.msu.ru).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00363 «Внешнее вмешательство во внутренние дела стран “третьего мира” в эпоху “холодной войны”: опыт многоуровневого анализа».

еще один хрестоматийный пример ослабления британского влияния, которое стало одним из главных факторов развития международных отношений в «третьем мире» в первые два десятилетия «холодной войны».

Ключевые слова: вмешательство во внутренние дела, «холодная война», «третий мир», Ближний Восток, Северная Африка, Ливия, Египет, Великобритания, США.

В последние годы в зарубежной международно-политической науке наблюдается заметный всплеск интереса к проблемам внешнего вмешательства во внутренние дела [Schmidt, 2013; Heir, Murray, 2013; Chivvis, 2014; Turner, 2015]. В условиях очередного раунда противоборства за влияние в мире ведущие державы предпринимают больше действий интервенционистского характера, которые призваны изменить баланс сил в том или ином государстве, представляющем для них стратегический интерес, укрепить или, наоборот, подорвать позиции правящего в нем режима. Безусловно, главным полигоном для апробации новых технологий вмешательства в XXI в. служит регион Ближнего Востока и Северной Африки, который в последние годы переживает период глубинной трансформации.

Как уже было показано отечественными востоковедами [Ближний Восток и «Арабское пробуждение», 2013], в данном регионе не осталось ни одного государства, которое бы в той или иной мере не затронуло «Арабское пробуждение». В одних арабских странах процессы политической трансформации развивались преимущественно мирно, в других сопровождалась жестоким кровопролитием, однако во всех без исключения случаях внешние игроки сталкивались с нелегким выбором оптимальных форм воздействия на ситуацию, необходимостью внимательно взвесить сопряженные с ними возможности и риски. В одних случаях (Тунис, Египет) выбор был сделан в пользу бездействия, в других (как, например, в Ливии) — в пользу осуществления крупномасштабной военной операции в целях свержения режима под благовидным гуманитарным предлогом и со ссылкой на доктрину «Ответственность по защите» [Chivvis, 2014] или же в пользу интервенции по просьбе правящего режима для оказания ему поддержки в борьбе с вооруженной оппозицией (Бахрейн). Отдельно стоит упомянуть также случаи, в которых вариант осуществления военной интервенции был вынесен на повестку дня, но так и не был реализован, как, например, в 2013 г., когда парламент Великобритании проголосовал против применения силы в Сирии, на чем настаивал премьер-министр Д. Кэмерон [Strong, 2015].

Масштаб внутренних изменений, происходящих в странах арабского мира сегодня, как и масштабы внешнего вовлечения в процессы управления этими изменениями со стороны и региональных, и внерегиональных акторов, безусловно, велик. Однако он не является беспрецедентным и меркнет по сравнению с тектоническими сдвигами, происходившими на Ближнем Востоке и в Северной Африке в 1950-е годы под воздействием мощнейшего всплеска арабского национализма. Приход к власти «Свободных офицеров» в Египте в 1952 г. и последующие действия режима Г.А. Насера всколыхнули огромный регион отнюдь не меньше, чем самосожжение Мохаммеда Буазизи в Тунисе. При этом возникли условия для существенного изменения баланса сил в регионе — расширения влияния Египта и СССР в арабском мире, что заставило западные державы, в первую очередь Великобританию и США, сосредоточиться на противодействии угрозе падения лояльных монархических режимов. Данная цель стала еще более актуальной после Суэцкого кризиса и иракской революции 1958 г. Интервенции в султанат Маскат и Оман (1957), синхронизированные интервенции Соединенных Штатов в Ливан и Великобритании в Иорданию (1958), а также высадка британского десанта в Кувейте (1961) получили подробное освещение и в зарубежной [Ovendale, 1994; Ashton, 1997; Blackwell, 1999; Blackwell, 2000; Blackwell, 2009], и в отечественной историографии [Румянцев, 2007; Румянцев, 2010]. Однако контрреволюционная деятельность велась и к западу от Суэца, и в качестве одного из таких незаслуженно забытых фронтов «холодной войны» можно назвать Соединенное Королевство Ливия во главе с королем Идрисом I.

Борьбу за влияние на территории бывших итальянских колоний, объединенных под одним флагом лишь в 1951 г., западные державы вели с применением самого широкого спектра инструментов, начиная с закрепления военных баз и предоставления военной и экономической помощи и заканчивая участием в подавлении антиправительственных беспорядков и вооруженной интервенцией в защиту режима. С одной стороны, эти усилия способствовали обеспечению стратегических, а с открытием крупных нефтяных месторождений в стране в 1959 г. — и геоэкономических интересов западных держав. С другой стороны, они привели к росту общественного недовольства политикой короля Идриса I, кульминацией которого стал государственный переворот 1 сентября 1969 г., осуществленный группой молодых офицеров во главе с капитаном М. Каддафи, оставшимся у власти вплоть до нового «Арабского пробуждения», но не сумевшим его пережить. При этом ни Великобритания, ни США не стали душить революцию 1 сентября,

став невольными «соучастниками» становления и укрепления одного из самых склонных к интервенционизму режимов в «третьем мире». Подрывная деятельность, которую режим М. Каддафи вел под антиимпериалистическими лозунгами не только на Арабском Востоке, но и в Тропической Африке, Латинской Америке и даже Азиатско-Тихоокеанском регионе, стала лишь одним из компонентов сложнейшей «ливийской проблемы», для решения которой державам Запада потребовалось несколько десятилетий [Бартенев, 2009].

Понять корни ливийской революции 1969 г. и причины отказа западных держав от варианта ее подавления можно, если вспомнить события монархического периода в истории независимой Ливии, романтизированного победителями гражданской войны 2011 г. фактом возвращения красно-черно-зеленого «королевского» флага в качестве символа Ливии «без Каддафи». Ключевым действующим лицом на ливийской сцене в те годы была Великобритания, проявившая наибольшую активность в деле создания, укрепления и сохранения ливийского бастиона влияния Запада в стратегически важном регионе. Предлагаемая статья призвана восполнить пробел, объективно существующий в историографии международных отношений на Арабском Востоке в 1950–1960-е годы, и раскрыть содержание сложной дипломатической игры, которую вела Великобритания в Ливии, с опорой на новейшие исследования историков Туманного Альбиона [Pargeter, 2000, Worrall, 2007; Straw, 2010] и использованием рассекреченных британских и американских документов, большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

* * *

Соединенное Королевство Ливия (далее — Ливия) появилось на политической карте мира 24 декабря 1951 г. В его состав вошли территории, которые до Второй мировой войны были частью итальянской колониальной империи, стали театром боевых действий между странами Оси и союзными державами, а после разгрома Африканского корпуса генерала Э. Роммеля перешли под временный контроль Великобритании (Триполитания и Киренаика) и Франции (Феццан).

Суверенитет Ливии, однако, был формальным. Режим короля Идриса I принял бразды правления над исключительно бедной страной. Численность ее населения составляла немногим более 1 млн человек, из которых 90% не умели читать и писать. Природными богатствами Ливия (на тот момент) не обладала — почти всю территорию королевства покрывали пустыни, но песок этот

нельзя было применять даже для производства стекла. Заработать деньги в королевстве можно было разве что на переработке металлолома, в избытке оставшегося на полях сражений Второй мировой войны; годовой доход на душу населения в Ливии — 35 долл. США — был одним из самых низких в мире¹. В этих условиях режим короля Идриса I не имел никаких шансов обеспечить безопасность, территориальную целостность и экономическое развитие вверенной ему страны без помощи извне. Он вынужден был искать протекции у держав Запада, которые смотрели на Ливию с несколько иного угла зрения и стремились такое покровительство оказать.

У Великобритании раньше всех возникло желание обеспечить свои стратегические интересы в Ливии на долгосрочную перспективу, причем задолго до первых заморозков «холодной войны». Англичане еще в 1944 г. пришли к выводу о необходимости размещения крупного военного контингента в Киренаике, где не было риска вызвать недовольство местного населения, поскольку оно воспринимало британцев в качестве освободителей от итальянского колониального гнета [Worrall, 2007: 312]. Значение Ливии в глазах западных держав многократно возросло после того, как на Ялтинской конференции И.В. Сталиным был впервые поставлен вопрос о переходе Триполитании под протекторат Советского Союза [Bills, 1996].

В военных планах британское командование отводило Ливии важную роль ввиду ее географической близости к потенциальному театру боевых действий в Египте [Worrall, 2007: 312]. Имея крепкие связи с элитой Киренаики, Великобритания хотела укрепиться в ливийской пустыне и искала оптимальный способ решения этой задачи.

В Лондоне изначально считали преждевременным предоставление ливийским территориям независимости и выступали за помещение их под опеку. 10 мая 1949 г. Генеральной Ассамблее ООН был представлен так называемый план Бевина—Сфорцы (министров иностранных дел Великобритании и Италии соответственно), согласно которому Киренаика должна была остаться под контролем Лондона, Триполитания — передана под управление Италии, а Феццан — Франции, однако одобрен он не был. Волна протестов, прокатившихся по Ливии в мае 1949 г., заставила Лондон изменить стратегию и сосредоточиться на управлении процессом предоставления независимости в целях создания максимально вы-

¹ Lindberg J. A General Economic Appraisal of Libya. United Nations Publications. Sales No. 1952.11.N.2 (ST/TAA/K/LIBYA/1, 22 September 1952).

годного для себя политического баланса сил уже в объединенном суверенном государстве. Не дожидаясь нового голосования в Генеральной Ассамблее по ливийскому вопросу в сентябре 1949 г., Великобритания решила в одностороннем порядке даровать Киренаике самоуправление; эмиром стал Сайид Мохаммед Идрис — глава тариката «Сенусийя», которого британцы хотели продвинуть на роль общенационального лидера [Baldinetti, 2014: 110–135].

Великобритания постепенно осознала, что в условиях «холодной войны» обретение Ливией полноценной независимости будет в большей степени способствовать защите ее интересов. Дело в том, что на подмандатных территориях западные державы вряд ли смогли бы разместить свои войска. По Уставу ООН, решения, связанные с созданием «стратегических» районов, должен был выносить Совет Безопасности, а рассчитывать на благожелательную позицию СССР по данному вопросу в ливийском контексте, естественно, не приходилось [Heefner, 2015: 9].

Столкнувшись с проблемами сохранения военного присутствия в Иране, Ираке и Египте, правительство Великобритании прекрасно осознавало — особенно с учетом регулярных напоминаний об этом ливийской стороной — крайнюю чувствительность вопроса о статусе британских войск, чье присутствие в крупных городах воспринималось местным населением как новая оккупация. Уже в июле 1951 г. министр иностранных дел Соединенного Королевства Г. Моррисон представил правительству проект Договора о союзе с Ливией, который был одобрен с учетом доводов Генерального штаба о том, что «других мест для дислокации британских войск на Ближнем Востоке не осталось» [Worrall, 2007]. Договор планировалось заключить на 25 лет, сопроводить двумя соглашениями о размещении британских военных объектов и предоставлении финансовой помощи и подписать после провозглашения независимости. Текст соглашений согласовывался с премьер-министром временного правительства Ливии Махмудом аль Мунтасиром во время его визита в Лондон 10 сентября 1951 г.²

Однако по двум причинам — вступления Ливии в Лигу арабских государств, а также проволочек с выведением британских войск из крупных городов [Worrall, 2007: 314] — подписание документа отложилось почти на два года. Англо-ливийский Договор о дружбе и союзе был подписан лишь 29 июля 1953 г. (вступил в силу 7 декабря того же года)³.

² Treaty of Alliance with Libya. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. C.P. (51) 263. 3 October, 1951 // The National Archives. CAB 129/47/38.

³ Treaty of Friendship and Alliance between Her Majesty in respect of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and His Majesty The King of the United

В соответствии со ст. 2 Договора стороны брали на себя обязательство прийти друг другу на помощь в случае войны или вооруженного конфликта. Реальное содержание статьи раскрывалось в секретной пояснительной «записке Киркбрайда»⁴. В ней ливийское руководство заверяли в том, что «в случае войны или угрозы войны правительство Великобритании сделает все возможное, чтобы защитить Ливию», и что, без сомнения, ст. 2 подразумевает предоставление Ливии военной помощи⁵. При этом важно отметить, что Договор 1953 г. не требовал от Великобритании осуществления интервенции при возникновении внутренней угрозы режиму короля Идриса I.

Договор не обязывал Великобританию размещать войска в Ливии, но в соответствии со ст. 3 «в целях обеспечения взаимной обороны и внесения вклада в поддержание международного мира и безопасности» ей предоставлялось право пользоваться военными объектами на территории Ливии. По состоянию на 1953 г. Великобритания контролировала базы ВВС и взлетно-посадочные полосы в Триполи, Бенине и Эль-Адеме и армейские гарнизоны в Триполи, Хомсе, Барче и Дерне.

Отдельно стоит упомянуть ст. 4 Договора, текст которой удалось согласовать только к лету 1953 г. В окончательном виде эта статья гласила: «Никакие положения данного Договора не должны вступать в противоречие с правами и обязательствами, которые вытекают или могут вытекать из обязательств сторон по Уставу ООН или любым другим действующим международным соглашениям, конвенциям или договорам, *включая, в случае с Ливией, решения Совета Лиги арабских государств*» (курсив наш. — В.Б.). Включение последней оговорки по настоянию ливийской стороны обозначило стремление режима короля Идриса I подчеркнуть арабскую солидарность и неготовность, по крайней мере на бумаге, жертвовать ее интересами во имя дружбы с западными державами. Великобритании впоследствии еще не раз пришлось пожалеть о внесении данного уточнения.

Основной текст Договора сопровождался соглашением о пользовании Великобританией объектами военного назначения на территории Ливии и финансовым соглашением. В соответствии

Kingdom of Libya [with Military and Financial Agreements and Exchange of Notes]. Benghazi, 29 July 1953 [Ratifications of the Treaty and Agreements exchanged at Benghazi on 7 December, 1953] Presented by the Secretary of State for Foreign Affairs to Parliament by Command of Her Majesty. January 1954. Cmd 8914.

⁴ А. Киркбрайд — посол Великобритании в Ливии в 1952–1954 гг.

⁵ Kirkbride Note. British Legation. Benghazi. 29 July 1953. FCO 39/119. Цит. по: [Straw, 2010: 30].

с первым документом стороны договорились в том числе об унификации процедур обучения и оснащения вооруженных сил, что позволило Лондону экспортировать оружие в Ливию и создавать военные представительства в стране. Кроме того, Великобритания получила право использовать воздушное пространство Ливии и сосредотачивать там свои войска для переброски в другие точки земного шара.

В соответствии со ст. 3 Великобритания в обмен за пользование военными объектами согласилась предоставлять Ливии в течение 5 лет — с 31 марта 1953 г. по 1 апреля 1958 г. — помощь в размере 3,75 млн ф. ст. в год: 2,75 млн ф. ст. — в виде прямых перечислений в бюджет с условием предоставления ливийским правительством соответствующей отчетности по итогам финансового года и 1 млн ф. ст. — в виде помощи развитию. Объемы помощи должны были пересматриваться каждые 5 лет.

Все три документа, или «инструмента», как весьма показательно называл их министр иностранных дел Великобритании Э. Иден в своем секретном меморандуме от 30 декабря 1953 г.⁶, должны были действовать в течение 20 лет, а не 25, как предполагалось изначально, и могли быть подвергнуты пересмотру через 10 лет. Изменение срока Договора, по словам британского историка из Оксфордского университета Р.Дж. Уорролла, было навязано ливийцами, внимательно отслеживавшими практику заключения подобных договоров другими арабскими странами (договор Великобритании с Иорданией был заключен сроком на 20 лет; договор США с Саудовской Аравией — на 10 лет) [Worrall, 2007: 315]. Кроме того, в рамках секретного соглашения было оговорено, что количество британских военнослужащих могло быть доведено в мирное время до 25 000 человек (численность ливийских вооруженных сил на тот момент составляла 2500 человек).

Британские должностные лица были довольны результатами переговоров: «Заключение данного соглашения будет иметь позитивные последствия для всего арабского мира и устанавливает важный прецедент для проведения переговоров с другими арабскими государствами»⁷. В Лондоне в связи с Договором много говорили о «политических преимуществах демонстрации арабскому миру того, что есть по крайней мере одно арабское государство,

⁶ Treaty and Agreement with Libya. Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. C. (53) 364. 30 December 1953 // The National Archives. CAB 129/64.

⁷ CC (53) 43rd Conclusions, Treaty with Libya, 16 July 1953 // The National Archives. CAB 128/26/43.

которое радо разместить британские военные базы и не чувствует, что утрачивает часть своего суверенитета»⁸.

Другими словами, Великобритания весьма успешно апробировала в ливийском контексте классическую схему «военные базы в обмен на помощь», создав мощный плацдарм в Северной Африке, как казалось, на долгие годы. Это было вдвойне важно после победы революции в Египте 1952 г. В Вашингтоне признавали, что в 1950-е годы Ливия находилась под значительным влиянием Великобритании и представляла уникальный пример того, как исключительно значимые стратегические дивиденды могут быть получены по минимальной цене⁹.

Великобритания, впрочем, была отнюдь не единственным протектором Ливии. Соединенные Штаты, обосновавшиеся в Ливии на воздушной базе Меллаха (в 1945 г. переименованной в Вилус-Филд) рядом с Триполи еще в ходе Второй мировой войны, в условиях начала глобального противостояния с СССР очень быстро осознали ценность Ливии как плацдарма и смогли — пусть и в ходе достаточно непростых переговоров [Heefner, 2015] — формализовать свое военное присутствие. Летом 1954 г. администрация Д. Эйзенхауэра заключила с правительством Ливии соглашение, которое предоставляло США право пользования базой Вилус-Филд в течение 20 лет (Соединенные Штаты за это время должны были выплатить режиму короля Идриса I 40 млн долл., а также предоставить дополнительную экономическую и военную помощь). Стратегическая выгода от «сделки» с режимом короля Идриса I в тот момент казалась Соединенным Штатам столь значительной, что отношения с Ливией начали характеризоваться не иначе как «наилучшие во всем арабском мире»¹⁰. Никаких свидетельств того, что Лондон каким-то образом старался влиять на ситуацию с заключением американо-ливийского договора или видел в нем угрозу национальным интересам Великобритании, обнаружено не было.

Таким образом, к 1954 г. и Великобритания, и США добились закрепления своих позиций в Ливии. Однако эти позиции еще предстояло удержать перед лицом сразу нескольких угроз — советской экспансии и арабского национализма. Если первую опасность западные державы могли оценить весьма объективно, то

⁸ AIR 20/8203, Minute by H. O'Grady, Libya, 17 July 1953. Цит. по: [Worrall, 2007: 317].

⁹ The United States and Libya. Part 1: Before Gaddafi // Foreign Relations of the United States (FRUS), 1952–1954. Vol. IX. Document 383.

¹⁰ Telegram from the Embassy in Libya to the Department of State. 19 January 1956 // FRUS, 1955–1957. Vol. XVIII. Document 151.

масштаба и стратегических последствий второй ни в Лондоне, ни в Вашингтоне на тот момент пока никто не осознавал, хотя сами ливийские представители в общении со своими визави постоянно делали недвусмысленные намеки на близость этих двух угроз¹¹.

Что касается самого режима короля Идриса I, то подписание договоров с западными державами принесло ему вполне очевидные дивиденды в виде финансовых ресурсов и гарантий безопасности от внешней агрессии. Вместе с тем именно этот шаг запустил процесс «брожения» в ливийском обществе, в итоге завершившийся свержением монархии в 1969 г. Первые спорадические вспышки недовольства политикой центральных властей произошли сразу после обнародования упомянутых ранее соглашений. Однако длительное время «уровень политической сознательности» ливийцев и вероятность смены власти в стране, если верить американским разведанным того времени, оставались в целом невысокими¹².

В то же время события на международной арене быстро стали разворачиваться таким образом, что цена потери Ливии как плацдарма западного влияния возросла многократно, и в итоге Великобритании пришлось не только уделять происходящему в этой стране больше внимания, но и координировать свои усилия с США.

* * *

Для Великобритании стратегическая значимость Ливии существенно выросла после подписания осенью 1954 г. крайне невыгодного соглашения с Египтом. Оно предусматривало признание Суэцкого канала неотъемлемой частью египетской территории, а также эвакуацию британских вооруженных сил из Египта в течение 20 месяцев с возможностью использования определенных баз в зоне канала и портов только в случае вооруженного нападения «иностранный державы» на страны — члены Лиги арабских государств или Турцию. Часть сил, а именно 10-я бронетанковая дивизия, была переброшена в соседнюю Ливию.

Ливия отныне начала рассматриваться Лондоном в качестве альтернативного плацдарма, с которого предполагалось обеспечивать защиту государств «северного яруса» (Northern Tier) — Турции, Ирака, Ирана и Пакистана, заключивших в итоге Багдадский пакт, — от советской агрессии [Devereux, 1990: 147–151]. Вместе с тем представители британского Генерального штаба уже в начале 1955 г. констатировали, что размещенные в Ливии силы не смогут достигнуть

¹¹ Memorandum of a Conversation. Tobruk. 5 April 1956 // FRUS, 1955–57. Vol. XVIII. Document 158.

¹² The Outlook for U.S. Interests in Libya. National Intelligence Estimate. Washington, D.C. 19 June 1956. NIE 36-5-56 // FRUS, 1955–57. Vol. XVIII. Document 160.

зоны возможных боевых действий вовремя, если не будут предупреждены об их начале заблаговременно¹³.

За переброской 10-й бронетанковой дивизии в Ливию стояло также стремление оказать давление на Каир. К тому же британские стратеги не исключали возможности прямого военного вторжения в Египет в случае «возникновения угрозы распада страны»¹⁴. Взаимоотношения с Каиром еще ухудшились после приобретения режимом Г.А. Насера оружия из стран Организации Варшавского договора (ОВД) (основным поставщиком выступила Чехословакия) в сентябре 1955 г. С этого момента Лондон стал видеть главную угрозу своим интересам в регионе именно в действиях Египта, а не СССР. Кроме того, уже в начале 1956 г. правительство Э. Идена выражало все большую обеспокоенность попытками Египта ослабить влияние Великобритании в Ливии.

Р.Дж. Уорролл обнаружил в архивах данные о специальном визите сотрудника Африканского департамента Форин-офис К.О.И. Рамсдена и заместителя министра иностранных дел И. Кирпатрика в Ливию, организованном в апреле 1956 г. с целью понять подлинные масштабы египетского проникновения в страну. По итогам визита ими был составлен подробный отчет, в котором, в частности, говорилось, что «Ливия, как и большинство других арабских стран, уязвима к влиянию Египта в силу общности религии, языка и арабского национализма. Расширению влияния режима Г.А. Насера в Ливии — в том числе через египтян, проживающих в Ливии, печатные издания и радио — предполагалось противодействовать с помощью широкого спектра инструментов, в том числе “мягкой силы”, включая открытие британских школ в Бенгази и Триполи, предоставление различных образовательных стипендий и интенсификацию радиовещания на арабском языке»¹⁵.

Наиболее полное обоснование усиления военного присутствия в Ливии давалось в одном из писем Министерства обороны в Форин-офис, цитируемом британским исследователем А. Паргетером: «Ливия — лучшее место для размещения бронетехники на Ближнем Востоке, так как Кипр для этих целей не очень подходит ввиду неразвитой портовой инфраструктуры и специфики ландшафта <...>. Бронетанковые войска необходимы для поддержания нашего влия-

¹³ Public Records Office, London, DEFE 5/57, COS (55) 60, 'Combined Military Studies on the Defence of the Middle East', Memorandum by the Chiefs of Staff (COS), Top Secret Annex, 23 March 1955.

¹⁴ Public Records Office, London, FO 371/119731, COS (56) 16th Meeting, Strategic Importance of Libya, 1 February 1956. Цит. по: [Worrall, 2007: 320].

¹⁵ Egyptian Influence in Libya, And Proposals for Countering It, Halford to Lloyd, 24 April 1956 // The National Archives. FO 540/6. Цит. по: [Worrall, 2007: 323].

ния на Ближнем Востоке <...>. Они также могут быть инструментом сдерживания египетского вторжения в страну и доставлять Насеру головную боль, которая может заставить его умерить свои амбиции»¹⁶. Таким образом, усиление присутствия в Ливии становилось значимым компонентом региональной стратегии Великобритании.

В 1955–1956 гг. новые нюансы появились и в ливийской политике Соединенных Штатов. В Вашингтоне очень остро отреагировали на установление режимом короля Идриса I взаимоотношений с СССР и достаточно уклончивую реакцию Ливии на предложения Москвы об оказании ей экономической помощи. Как следствие, в ходе визита в Вашингтон в марте 1956 г. премьер-министра Ливии Мустафы Бен Халима Д. Эйзенхауэр не преминул пообещать, что «Ливия будет играть для США на Ближнем Востоке ту же роль, что Филиппины на Дальнем Востоке». Параллельно Д. Эйзенхауэр указал Госдепартаменту на необходимость «удерживать Ливию крепко в американском лагере»¹⁷. Ливия фигурировала и в англо-американских дискуссиях по проблемам Ближнего Востока весной 1956 г., которые констатировали ее стратегическую значимость как территории оказания поддержки странам – участницам Багдадского пакта и как «задней двери» в Египет.

Взаимосвязанность политики в отношении Ливии и Египта стала еще более заметной в июне 1956 г., когда правительство Г.А. Насера объявило о национализации компании Суэцкого канала. После того как все невоенные методы давления на Каир не дали результатов и Великобритания избрала силовой способ решения проблемы, Ливия стала сразу фигурировать в планах проведения военной операции. Один из сценариев предполагал использование 10-й бронетанковой дивизии для атаки на Александрию и отправку подкрепления из Великобритании в виде пехотной бригадной группы для заполнения вакуума силы на территории самой Ливии [Pargeter, 2000: 43].

Однако Великобритания так и не задействовала свои вооруженные силы, дислоцированные в Ливии, против режима Г.А. Насера. Форин-офис обозначил следующие риски такого маневра: 1) оказание Египтом военной помощи Ливии; 2) уличные беспорядки в Бенгази и Триполи с потенциальными жертвами среди британских граждан; 3) полный разрыв взаимоотношений с Ливией [Pargeter, 2000: 45]. Такая точка зрения подтверждалась и сведени-

¹⁶ FO 371/119752 War Office to Foreign Office, 9 June 1956. Цит. по: [Pargeter, 2000: 42].

¹⁷ FO 371/119730, JT1071/4/G, Letter from Graham to Watson, 3 February 1956 JT1071/6/G, Minute from Watson to Halford, 18 April 1956.

ями «с полей». Посол в Триполи У. Грэм 4 августа 1956 г. телеграфировал в Лондон: «Нет никаких сомнений в том, что египтяне будут стараться создавать проблемы в Ливии. Они уже активно действуют в этом направлении. Но даже без этого ливийцы не будут спокойно воспринимать использование ливийских баз и объектов против египтян. *Арабская кровь гуще, чем иностранные субсидии*» [Pargeter, 2000: 45]. Он оказался прав. Ливийское руководство, извлекая урок из демонстраций против иностранного военного присутствия в стране, которые прошли уже в ходе Суэцкого кризиса, 9 августа довело до сведения Лондона, что в случае, если 10-я дивизия будет задействована, правительство не сможет сдержать общественное недовольство.

В Лондоне прекрасно осознавали, что требования Триполи полностью соответствуют букве ст. 4 Договора 1953 г. Однако при этом Генеральный штаб все равно надеялся, что организация режимом Г.А. Насера какой-нибудь провокации на территории Ливии даст предлог пересмотреть данное решение¹⁸, и непосредственно перед «тройственной агрессией» ситуация действительно стала развиваться по достаточно непредсказуемому сценарию. В начале октября генерал-майор Дж.Н.Р. Мур — командующий 10-й бронетанковой дивизией — отправил секретную телеграмму в Генштаб, сообщив, что «египетские планы нападения на британские базы и семьи военнослужащих, которые должны будут удержать нас от передвижений, лучше проработаны, чем мы думали», и что «возникла угроза личной безопасности короля, потребовавшая перевода пехотной бригады на дежурство в районе порта и дворца в Тобруке». 11 октября разведка также распространила информацию о «египетском заговоре против короля». Идрис I 29 октября 1956 г. был проинформирован об этом, эвакуирован в Тобрук и помещен под охрану британских военных. Ливийцы забрасывали камнями британские военные машины, и в итоге власти в Триполи вынуждены были ввести комендантский час. Однако, несмотря ни на что, 1 ноября 1956 г. Форин-офис телеграфировал в Триполи: «Вы можете довести до сведения ливийского правительства, что правительство Ее Величества не намеревается атаковать Египет с баз на территории Ливии и будет в полной мере уважать положения англо-ливийского Договора»¹⁹. Чрезвычайная ситуация разрешилась высылкой египетского военного атташе, после чего ливийские силы внутренней безопасности

¹⁸ Public Records Office, London, DEFE 32/5, COS (56) 100th Meeting, Secretary's Standard File, Confidential Annex, 12 October 1956.

¹⁹ PREM 11/1148 Foreign Office to Tripoli, 1 November 1956. Цит. по: [Pargeter, 2000: 45].

обыскали египетское посольство, где нашли 176 пулеметов и несколько коробок с гранатами²⁰.

С. Блэквелл считает, что до сих пор неясно, была ли попытка организации государственного переворота наступательной или оборонительной мерой со стороны Египта. Командир 10-й бронетанковой дивизии ни на секунду не сомневался в том, что за беспорядками стояло посольство Египта, и даже рассматривал возможность его «нейтрализации» своими силами. В отчете, отправленном им в Лондон, говорилось, что в действиях Египта наблюдалось стремление свергнуть режим короля Идриса I и создать условия, которые могли бы предотвратить использование британских войск, дислоцированных в Ливии, для атаки на Египет [Blackwell, 2003: 5].

В Лондоне высоко оценили роль 10-й дивизии в обеспечении личной безопасности короля Идриса I и сохранении его режима. Посол Великобритании в Ливии У. Грэм утверждал, что страна находилась на распутье, но выражал удовлетворение тем фактом, что по крайней мере она оставалась в орбите влияния Запада. Вместе с тем и режим короля Идриса I, и Великобритания извлекли из событий осени 1956 г. значимые выводы.

Ливийское правительство в лице премьер-министра Бен Халима уже в ноябре 1956 г. сочло возможным и необходимым поднять вопрос о пересмотре условий соглашений 1953 г. Глава правительства дал понять, что рассматривает вариант внесения следующих изменений: 1) включение пункта о том, что Великобритания не может использовать базы для осуществления атаки на любое арабское государство; 2) эвакуация британских войск из крупных городов; 3) добавление положения о сокращении британского контингента по мере увеличения численности ливийской армии²¹. Это заставило английских дипломатов сделать весьма прискорбный вывод: «Мы можем оказаться в Ливии в такой ситуации, при которой мы будем вносить все больший вклад и все меньше получать взамен. Есть реальная опасность того, что мы попадем в ту же ситуацию, что и в Иордании, где наши финансовые и статусные интересы настолько велики, что мы вынуждены мириться с почти нестерпимым обращением для того, чтобы их защитить» [Worrall, 2007: 340].

Как пишет С. Блэквелл, Суэцкий кризис продемонстрировал «аномальность ситуации с военным присутствием в Ливии и удаленность контингента от любого возможного театра боевых дей-

²⁰ FO 371/119752, JT11193/14G, 'Brief Account of Events in Libya from 26 October to 16 November 1956 by GOC Tenth Armoured Division'. Цит. по: [Blackwell 2003, p. 5].

²¹ Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. 9 January 1957 C.P. (57) 14 // The National Archives. CAB 129/84.

ствий на Ближнем Востоке» [Blackwell, 2003: 6]. Анализируя уроки Суэцкого кризиса, премьер-министр Э. Иден поставил под вопрос необходимость дислокации 10-й дивизии в Триполи и выразил мнение, что сдерживание Египта может осуществляться с меньшими затратами. Британский премьер подчеркивал ценность базы Эль-Адем в Тобруке, но спрашивал, не стоит ли ограничиться — в крайнем случае — небольшим гарнизоном²².

В декабре 1956 г. глава Африканского департамента Форин-офис А. Уотсон также пришел к выводу, что значимость военного присутствия в Ливии сильно преувеличена. Он полагал возможным существенно сократить численность контингента, сохранив небольшие силы в Киренаике для сдерживания Египта и, возможно, защиты короля. Однако в наибольшей степени в Лондоне после Суэцкого кризиса были обеспокоены позицией администрации Д. Эйзенхауэра — идея британцев состояла в том, чтобы заставить американцев взять на себя как можно бóльшую часть бремени по оказанию помощи Ливии. Как известно, сразу после «тройственной агрессии» дипломатические контакты между Лондоном и Вашингтоном были сведены к минимуму [Румянцев, 2009], однако, когда они возобновились, «ливийский вопрос» оказался в числе главных пунктов повестки дня. На встрече госсекретаря США Дж.Ф. Даллеса и министра иностранных дел Великобритании С. Ллойда на саммите НАТО в Париже в декабре 1956 г. стороны договорились о проведении специальных переговоров о будущем Ливии.

Эти переговоры должны были пройти в критически важный момент для обеих стран. 5 января 1957 г. была провозглашена «доктрина Эйзенхауэра», предусматривавшая оказание экономической и военной помощи странам Ближнего Востока и размещение американских войск по просьбе правительств государств, которым угрожает «международный коммунизм или страны, контролируемые международным коммунизмом». В Великобритании 10 января 1957 г. к власти пришло новое правительство: место «дискредитированного суэцким фиаско» [Румянцев, 2009: 100] Э. Идена занял Г. Макмиллан, настаивавший на сокращении отягощающих Великобританию глобальных обязательств.

В этих условиях в Лондоне шло активное обсуждение дальнейшей ливийской стратегии; «ливийский вопрос» даже был вынесен на первое заседание кабинета министров под председательством Г. Макмиллана.

В подготовленном к этому заседанию С. Ллойдом меморандуме 9 января 1957 г. цели Великобритании в Ливии показательным об-

²² Public Records Office, London, PREM 11/1138, 'Lessons of Suez', Note by Eden, 6 December 1956.

разом определялись так: 1) обеспечить контроль над распространением влияния Египта и удержать Ливию в орбите влияния Запада; 2) укрепить авторитет короля Идриса I и внутреннюю безопасность в стране; 3) добиться сохранения отдельных военных объектов. Как подчеркивалось, правительство в Триполи прекрасно осознает, что от действий Египта и ливийских коммунистов страну может защитить лишь союз с Западом, но в стране будут сохраняться сильные проегипетские настроения. Самой мощной прозападной и пробританской силой в Ливии, по мнению С. Ллойда, является сам король, и укрепление его авторитета отвечает интересам Великобритании. В меморандуме указывалось, что присутствие британского контингента в Киренаике (пусть и в сокращенном виде) призвано укрепить уверенность короля в собственной безопасности, защитить его в случае возникновения угрозы и удержать Египет от агрессивных действий. Кроме того, в свете предложений со стороны СССР и Египта подчеркивалось, что Ливия сможет сохранить прозападную ориентацию только в случае, если Великобритания и США будут продолжать помогать ей экономически и содействовать строительству ливийских вооруженных сил²³.

Британский Генеральный штаб также исходил из того, что «когда скоро англо-американские цели в стране были близки, большее вовлечение США следует приветствовать». Военные признавали, что итоги Суэцкого кризиса снизили ценность Ливии в качестве театра боевых действий, однако сохранение военного присутствия требовалось для «защиты режима от угрозы спонсируемого Советами национализма» и от очередной попытки свержения Идриса I. Кроме того, англичане выражали обеспокоенность тем, что «увеличение экономической и военной помощи со стороны США без принятия Вашингтоном ответственности за обеспечение безопасности Ливии приведет к ситуации, когда британские войска станут мишенью для усиливающегося народного недовольства, а США достанется львиная доля лавров за оказание экономической помощи»²⁴.

Постепенно позиция Г. Макмиллана по ливийскому вопросу стала более радикальной: в феврале он договорился с министром обороны Д. Сандисом о полном уходе Великобритании из Ливии²⁵. Британские дипломаты придерживались другой точки зрения.

²³ Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs. 9 January 1957. C.P. (57) 14 // The National Archives. CAB 129/84.

²⁴ DEFE 5/73, COS(57)11, 'Anglo-American Interests in Libya', Memorandum by COS, Top Secret Annex, 9 January 1957.

²⁵ PREM 11/3417, 'British Forces in Libya', Sandys to Macmillan, 18 February 1957.

Так, посол У.Г. Грэм в письме С. Ллойд отмечал, что последствия полного вывода войск из Ливии будут катастрофическими для Великобритании. По мнению генерального консула в Бенгази Холфорда, в этом случае Ливия, для которой жизненно необходимо внешнее покровительство, обратится за помощью либо к Египту, либо к СССР, чье влияние стало быстро усиливаться, и в результате произойдет полная смена режима и внешнеполитической ориентации с тяжелейшими последствиями для обеспечения интересов Великобритании и Запада на Ближнем Востоке и в Северной Африке²⁶. В конечном счете в 1957 г. вопрос был решен следующим образом: численность британских войск в Ливии должна была сократиться до одного танкового полка и одного пехотного батальона в Триполитании и одной пехотной роты в Тобруке (для защиты короля) в течение двух лет по мере строительства собственно ливийских вооруженных сил [Pargeter, 2000: 50].

Неслучайно именно в 1957 г. Великобританией была учреждена Военная миссия в Бенгази, которая должна была заниматься обучением и оснащением ливийских войск. В Лондоне понимали, что эта политика могла привести к укреплению армии в качестве потенциальной антиправительственной силы, поэтому британцы с самого начала содействовали развитию двух видов вооруженных сил — Ливийской армии и Сил обороны Киренаики, пытаясь противопоставить их друг другу.

Вопрос о военном присутствии тесно увязывался с вопросом оказания невоенной помощи режиму короля Идриса I, сильно волновавшим Г. Макмиллана. Еще 15 января 1957 г. британский премьер подчеркнул, что военно-стратегическая ценность Ливии не является достаточным обоснованием для предоставления стране ежегодной помощи в размере 12 млн ф. ст., но при этом важно в текущих обстоятельствах не создавать впечатления того, что Великобритания полностью уходит с Ближнего Востока²⁷. По информации посольства США в Великобритании, в один момент правительство Г. Макмиллана планировало сократить помощь на 75%²⁸.

Первый раунд англо-американских переговоров по ливийскому вопросу состоялся в январе 1957 г. Британцы пытались убедить американцев взять на себя большую часть бремени. С. Ллойд полагал, что если Лондон будет стоять на своем, то американцы за-

²⁶ FO 371/126025 Letter from Graham, British Embassy Tripoli to Selwyn Lloyd, Foreign Office, 12 November 1957.

²⁷ CAB 128/31, CC(57)4, 15 January 1957.

²⁸ Telegram from the Embassy in the United Kingdom to the Department of State. 15 January 1957. Secret // FRUS, 1955–1957. Vol. XVIII. Document 161.

полнят вакуум²⁹. Форин-офис делал акцент на том, что Великобритания должна была сконцентрироваться на обеспечении своих интересов к востоку от Суэца — в Ираке и странах Персидского залива — и что масштаб советского проникновения в Египет и Сирию заставлял сомневаться в выживаемости режима короля Идриса I.

Эти пессимистичные оценки взбудоражили команду американских переговорщиков³⁰. Посол США в Ливии Дж.Ф. Таппин был активным сторонником создания «южного яруса» из стран Северной Африки, включая Ливию, который со временем должен был трансформироваться в прозападный альянс под покровительством США³¹. Специалист по делам Ближнего Востока из Госдепартамента Р. Мерфи в апреле 1957 г. доказывал на заседании Совета национальной безопасности (СНБ), что установление Советским Союзом контроля над Ливией «откроет двери ко всей Северной Африке и позволит обойти НАТО с фланга». Д. Эйзенхауэр согласился с этими доводами и подчеркнул, что США окажутся в «катастрофической ситуации, если когда-нибудь потеряют Ливию»³². В итоге в июне 1957 г. СНБ США порекомендовал распространить «доктрину Эйзенхауэра» на Ливию, отметив, что Великобритания по-прежнему должна играть важную роль³³. Необходимость координации усилий стала еще более очевидной вскоре после сирийского кризиса 1957 г., когда была принята доктрина «англо-американской взаимозависимости», основанная, как говорил Г. Макмиллан, на идее о том, что в таких регионах, как Ближний Восток, союзники могут «обеспечить безопасность только посредством объединения ресурсов и разделения обязанностей»³⁴.

Вместе с тем необходимость сохранения позиций в Ливии была осознана Великобританией вновь. Координационный оборонный комитет по Ближнему Востоку 12 ноября 1957 г. пришел к выводу

²⁹ FO 371/126042, JT1071/8G, Draft Memorandum by Lloyd for the Cabinet Middle East Committee, 7 January 1957.

³⁰ Telegram From the Embassy in the United Kingdom to the Department of State. 15 January 1957 // FRUS, 1955–57. Vol. XVIII. Document 165. FO 371/126042, JT1071/12, 'Anglo-American Talks on Libya', Draft record of 1st meeting, 15 January 1957; FO 371/126043, JT1071/22, 'Anglo-American Talks on Libya', Draft record of 2nd meeting, 16 January 1957.

³¹ Letter From the Ambassador in Libya (Tappin) to the Deputy Assistant Secretary of State for Near Eastern, South Asian, and African Affairs (Palmer). 1 January 1957 // FRUS, 1955–57. Vol. XVIII. Document 163; Telegram From the Embassy in Libya to the Department of State // FRUS, 1955–57. Vol. XVIII. Document 168.

³² Memorandum of Discussion at the 321st Meeting of the National Security Council. Washington. 2 May 1957 // FRUS, 1955–1957. Vol. XVIII. Document 170.

³³ FO 371/126043, JT1071/43, No. 1406, Coulson to Lloyd, 8 July 1957.

³⁴ Public Records Office, London, CAB 129/90, C(57)271, 'Anglo-American Cooperation', Note by Macmillan, 15 November 1957.

о том, что «важность Ливии для Запада предопределяется в первую очередь необходимостью удержания ее в качестве сферы влияния Запада и недопущения установления над ней контроля СССР и распространения им своего влияния вдоль средиземноморского побережья Северной Африки до Атлантического океана. Кроме того, *существует высокая вероятность обнаружения крупных запасов нефти в Ливии; возможность получения нефтяных доходов будет иметь особую важность для Запада*»³⁵ (курсив наш. — В.Б.).

К переоценке ливийской политики Лондон подтолкнуло объединение Сирии и Египта в рамках Объединенной Арабской Республики (ОАР), еще более усилившее влияние Г.А. Насера в регионе. В этих условиях С. Ллойд был очень обеспокоен тем, что сокращение помощи может повысить уязвимость режима короля Идриса I³⁶. Заверения, данные Госдепартаментом США о готовности разделить ответственность с Великобританией, сыграли ключевую роль в том, что С. Ллойд удалось убедить своих коллег по кабинету отказаться от жестких сокращений помощи и снизить ее с 4,25 до 2,25, а не до 1,25 млн ф. ст., как предполагалось изначально. Добившись от Дж.Ф. Даллеса подтверждения готовности начать переговоры с ливийцами о предоставлении им дополнительной экономической помощи, С. Ллойд в собственном диалоге с ливийским правительством в итоге согласился на 3,25 млн ф. ст. в виде субсидии, а также на предоставление ливийской армии бесплатного обучения и легких вооружений, чем очень обрадовал правительство США³⁷.

Зримое изменение позиции Великобритании по Ливии происходило также из повышения обеспокоенности возможностью дестабилизации внутренней ситуации в стране. Британская разведка продолжала настаивать на том, что подрывная деятельность со стороны Египта и СССР — это серьезная угроза ливийскому режиму³⁸. В апреле 1958 г. Объединенный комитет разведки подготовил всеобъемлющий отчет об укреплении связей между египетскими и советскими представителями в Ливии в предыдущие месяцы в сфере обмена разведанными (египтяне сообщали СССР данные о действиях англичан и американцев в обмен на информа-

³⁵ DEFE 7/1013 British Defence Co-ordination Committee Report, 12 November 1957.

³⁶ PREM 11/3417, Lloyd to Macmillan, 13 October 1957, No. 2090, Caccia to Lloyd, 15 October 1957.

³⁷ Editorial Note // FRUS, 1958–1960. Vol. XIII. Document 328.

³⁸ DEFE 5/79, COS(57)256, 'The Possible Strategic Consequences of the Reduction in the British Subsidy and Withdrawal of the British Army Garrison from Libya', Letter from the British Defence Co-ordinating Committee, Middle East (BDCC(ME)) to COS, Secret Appendix, 21 November 1957.

цию о действиях Израиля), однако, несмотря на признание общности интересов Москвы и Каира, масштаб и глубина их взаимодействия не преувеличивались³⁹.

Таким образом, можно констатировать, что развитие событий вокруг Ливии в 1954–1958 гг. в значительной степени определялось динамикой изменения ситуации вокруг Египта и осмысления итогов Суэцкого кризиса. Однако в 1958 г. Великобританию и США ждало новое мощное потрясение в виде падения монархического режима в Ираке и распада Арабской Федерации Ирака и Иордании. В отечественной историографии считается, что ответом англо-американской дипломатии на эти события стали синхронизированные интервенции в Иорданию и Ливан, однако мало кто знает, что первой страной, где имело место превентивное вооруженное вмешательство, стало именно Соединенное Королевство Ливия.

* * *

Лондон отреагировал на свержение короля Фейсала II и убийство королевской семьи в Багдаде 14 июля 1958 г. незамедлительно, посчитав, что эти события резко усиливают угрозу безопасности правящего режима в Ливии. В Форин-офис особенно были обеспокоены возможностью панического бегства Идриса I и его министров из страны и хотели предотвратить такое развитие событий⁴⁰. С целью «укрепить решимость премьер-министра и министров»⁴¹, их проинформировали о высадке американского десанта в Ливане.

В тот же день Лондон направил к берегам Ливии эсминец «HMS Bermuda» с группой морских пехотинцев на борту. Кроме того, были разработаны планы усиления британских подразделений в Ливии и переброски войск, размещенных в Триполитании, в Киренаику для защиты короля и правительства.

Посольство Великобритании 18 июля информировало ливийское правительство о том, что в Тобруке должен высадиться британский десант и в перспективе в Ливию могут быть переброшены дополнительные подразделения с Мальты⁴². При этом Форин-офис и британские военные вновь по-разному представляли себе суть дальнейших действий. Так, глава британской дипмиссии У. Грэм

³⁹ Public Records Office, London, CAB 158/32, JIC(58)21(Final), 'Soviet-Egyptian Collaboration', Memorandum by the Joint Intelligence Committee (JIC), 17 April 1958.

⁴⁰ FO 371/131793, JT1091/1, No. 160, Ogden to Lloyd, 14 July 1958; JT1091/3/G, No. 196, Lloyd to Ogden, 15 July 1958; Minute by Hooper, 15 July 1958; JT1091/3/G, 'Libya', Minute by Watson, 15 July 1958.

⁴¹ FO 371/131793, JT1091/4/G, 'Libya', Minute by Watson, 15 July 1958.

⁴² FO 371/131793, JT1091/8/G, No. 181, Ogden to Lloyd, 18 July 1958; No. 223, Lloyd to Ogden, 19 July 1958; No. 186, Ogden to Lloyd, 18 July 1958; JT1091/14/G, MECOS 72, BDCC(ME) to COS, 19 July 1958.

полагал, что Великобритания «должна вмешаться только в случае реальной возможности сохранения правящего режима или легитимной передачи власти», и рекомендовал «ограничиться спасением жизни короля и организацией его выступления перед ливийским народом по радио»⁴³. При этом посол допускал возможность проведения интервенции в критический для гипотетического государственного переворота момент. В отличие от главы британской дипмиссии военные эксперты на Кипре разрабатывали планы весьма решительных действий на случай общественного недовольства и даже успешной попытки государственного переворота⁴⁴.

Однако Генеральный штаб в Лондоне решил прислушаться к мнению У. Грэма и передал на Кипр, что масштаб действий британских войск в Ливии должен быть ограниченным. Британское военное руководство полагало, что более реальной угрозой для безопасности Ливии является инспирированный Египтом государственный переворот, а не прямое военное вторжение извне, поэтому ключевой целью Лондона должно стать оказание политической помощи ливийскому правительству для удержания режима Г.А. Насера от какой-либо активности в этом направлении. Характер потенциальных действий против революционного правительства должен был определяться в зависимости от его политического состава, а в случае простых беспорядков британским войскам следовало ограничиться охраной британских граждан и собственности. Что касается США, то хотя Комитет начальников штабов в целом выражал готовность координировать действия в Ливии и других странах с Великобританией, никакого диалога между Лондоном и Вашингтоном начато не было⁴⁵.

Между тем 5 августа 1958 г. У. Грэм получил от ливийского правительства запрос на увеличение численности британского контингента и разработку планов защиты правительственных зданий и радиостанций. Посол по-прежнему старался избежать принятия на себя таких обязательств, которые бы «заставили британцев продвинуться слишком далеко в направлении вооруженной интервенции»⁴⁶. Однако три дня спустя британские и американские дипломаты и военные все же согласились на обеспечение временной защиты ливийских лидеров и радиостанций. Ключевой проблемой на тот момент было то, что король Идрис I проводил совещание

⁴³ FO 371/131793, JT1091/16/G, No. 236, Graham to Lloyd, 4 August 1958.

⁴⁴ FO 371/131793, JT1091/16/G, MECOS 122, BDCC(ME) to Mountbatten, 5 August 1958; No. 241, Graham to Lloyd, 6 August 1958.

⁴⁵ FO 371/131793, JT1091/16/G, COSME 123, Mountbatten to BDCC(ME), 7 August 1958.

⁴⁶ FO 371/131793, JT1091/17/G, No. 238, Graham to Lloyd, 5 August 1958.

с вождями племен в пустыне Киренаики, а это исключало возможность гарантировать его личную безопасность. В такой ситуации с учетом невозможности поддержания войск в постоянной боеготовности некоторые британские должностные лица предлагали использовать американские вертолеты для спасения короля и министров в случае возникновения угрозы их жизням⁴⁷.

С. Ллойд 18 августа одобрил запрос У. Грэма об осуществлении совместного планирования действий с ливийским правительством. При этом министр иностранных дел надеялся на разделение ответственности с США, полагая, что если Великобритания возьмет на себя бóльшую часть бремени в краткосрочной перспективе, то американцы должны будут обеспечивать стабилизацию Ливии в долгосрочной перспективе, в первую очередь противодействовать распространению влияния ОАР в стране⁴⁸. Параллельно британские и американские командиры договорились, что основная ответственность за осуществление действий военного характера будет лежать на британцах и что батальон в Бенгази будет нужен еще в течение года⁴⁹.

К середине августа, по мнению главы британской дипмиссии, государственный переворот был предотвращен, и ливийское правительство укрепило свои позиции. Британская разведка пришла к выводу, что в «Ливии нет группы офицеров, способной организовать государственный переворот по иракскому образцу», и для любых успешных действий против режима короля Идриса I организаторам потребуется помощь со стороны Египта. Объединенный комитет по разведке при этом подчеркивал успешность британской интервенции, подтверждая это данными из секретных источников, из которых якобы следовало, что «архитекторы» заговора в Египте и СССР были обескуражены действиями Великобритании и отдали приказ отложить планы осуществления революции в Ливии⁵⁰.

В сентябре 1958 г. британские дипломаты и военные командиры разработали детализированный план контрреволюционных действий. Сам У. Грэм по-прежнему скептически отзывался о перспективах участия британских военных в боевых действиях в целях предот-

⁴⁷ FO 371/131793, JT1091/17/G, No. 238, Graham to Lloyd, 5 August 1958.

⁴⁸ FO 371/131793, JT1091/18/G, No. 353, Lloyd to Graham, 18 August 1958, No. 5893, Lloyd to Caccia, 18 August 1958.

⁴⁹ FO 371/131793, JT1091/18/G, MECOS 133, BDCC(ME) to Mountbatten, 14 August 1958.

⁵⁰ CAB 158/33, JIC(58)68(Final), 'The Threats to Libya', Memorandum by the JIC, 15 August 1958; FO 371/131793, JT1091/18/G, Ross to McLeod, 18 August 1958. См. также: DEFE 4/111, COS(58)77th Meeting, 3 September 1958.

вращения государственного переворота⁵¹. К концу сентября план под названием «Действия британских войск в Ливии в случае возникновения чрезвычайной ситуации» был направлен на рассмотрение в Лондон. В плане однозначно говорилось, что британские подразделения будут лишь защищать короля и его министров и только в том случае, если соответствующий запрос поступит от ливийского правительства и если британское посольство признает вмешательство «политически целесообразным». Кроме того, обозначались отдельные меры по обеспечению безопасности посольства и британского и американского консульств в Бенгази от возможных нападений в ходе общественных демонстраций или «нападений без предупреждения по багдадскому образцу»; в частности, если бы протестующие предприняли попытку штурмовать посольство, то военным разрешалось стрелять в наиболее активных провокаторов. Наконец, командирам сил, дислоцированных на базе ВВС Эль-Адем в Тобруке, разрешалось инициировать действия для защиты короля⁵².

Министерство обороны Великобритании одобрило план в конце октября 1958 г., однако Форин-офис отреагировал на него с куда меньшим энтузиазмом. С. Ллойд выразил поддержку плану с оговоркой, что любые действия должны предприниматься «только в случае наличия острой необходимости и полной прозрачности всех обстоятельств». Желая предотвратить губительные политические последствия применения силы, он выражал желание, чтобы британские войска играли скорее пассивную роль, тогда как главную ответственность за гипотетические действия «против заговорщиков, протестующих или подрывных элементов» должна была нести ливийская армия. Окончательное решение об интервенции должны были принимать британские дипломаты, исходя из складывавшейся на месте ситуации⁵³.

Нежелание С. Ллойда давать ливийскому правительству безоговорочные гарантии осуществления военной интервенции отражало его сомнение в целесообразности такого шага [Blackwell, 2003: 13]. Оговорки Министерства иностранных дел ставили под сомнение саму суть плана, построенного вокруг идеи о том, что британские подразделения должны были «задушить» переворот, поскольку речь шла не просто об угрозе внутренней безопасности, а о пере-

⁵¹ FO 371/131794, JT1091/31/G, Graham to Watson, 16 September 1958.

⁵² FO 371/131794, JT1091/34/G, Graham to Watson, 'Action by British Troops in Libya in the Event of an Emergency', Top Secret Draft Plan, 19 September 1958

⁵³ FO 371/131795, JT1091/42/G, Minute by Lloyd, 4 November 1958; No. 590, Lloyd to Graham, 6 November 1958; No. 591, Lloyd to Graham, 6 Nov. 1958; Minute by Hooper, 3 November 1958.

вороте «в иракском стиле», при котором все должно было решиться в течение нескольких часов⁵⁴.

«Успех» интервенции 1958 г. позволил Министерству обороны и Форин-офис отбить очередные поползновения Министерства финансов сократить масштабы британского военного присутствия в стране в январе 1959 г. При этом британское посольство в самой Ливии по-прежнему продолжало считать, что даже самая оперативная интервенция не спасет ситуацию. Эти опасения подтверждались и данными разведки об уязвимости режима к перевороту при поддержке ОАР. В рамках англо-американского саммита в Вашингтоне 19–24 марта 1959 г. сопровождавший Г. Макмиллана С. Ллойд прямо сказал Д. Эйзенхауэру: «Ливия могла бы быть зоной стабильности, если бы на ее территории не плел интриги Насер»⁵⁵.

И Великобритания, и США понимали всю хрупкость обстановки в Ливии. После событий 1958 г. король еще больше стал опираться на внешнюю поддержку, все больше времени проводил во дворце в Дарне вблизи британской военной базы, где он чувствовал себя в безопасности. В этой ситуации сложно не согласиться с мнением Р. Блэквелла, подчеркнувшего, что разработанный осенью 1958 г. «контрреволюционный план для Ливии представлял собой временную меру, призванную скрыть отсутствие долгосрочного политического решения для страны и сложность преодоления разрыва между консервативным авторитарным режимом и постоянно радикализирующимся населением» [Blackwell, 2003]. Госдепартамент также считал, что «американо-британское военное присутствие в стране было аномальным» и что «из-за пробуждения арабского национализма в Ливии такая ситуация вряд ли будет продолжаться бесконечно»⁵⁶. Между этим моментом и свержением режима Идриса I прошло еще 10 лет, которые Ливия провела уже в совершенно ином статусе: в 1959 г. были открыты первые месторождения нефти, причем исключительно высокого качества. Влияние этого события, в корне изменившего историю Ливии, на политику западных держав требует отдельного рассмотрения.

* * *

Режим короля Идриса I не имел возможности разрабатывать нефтяные месторождения самостоятельно, поэтому он предоставил такое право американским и английским компаниям и создал для них поистине тепличные условия: отсутствие квот на добычу,

⁵⁴ PREM 11/3417, 'Libya Garrison', Soames to Sandys, 15 April 1959.

⁵⁵ PREM 11/3417, 'Libya Garrison', Sandys to Heathcoat-Amory, 11 March 1959.

⁵⁶ Letter from the Acting Secretary of State to the Secretary of Defense (McElroy). 22 May 1959 // FRUS, 1958–60. Vol. XIII. Document 336.

минимальные налоги. В результате «Shell», «Exxon», «Occidental» и другие компании начали добывать и экспортировать ливийскую нефть в таких объемах, что уже к 1967 г. Ливия — одна из беднейших стран «третьего мира» — превратилась в государство с самым высоким годовым доходом на душу населения на Африканском континенте.

Однако «ливийское нефтяное чудо» вместо того, чтобы укрепить позиции монархии, еще более ослабило их, окончательно разбужив ливийское общество. Впечатляющие цифры роста ВВП не отражали реального положения дел в экономике. Хлынувший поток «нефтедолларов» оседал в карманах чиновников ливийского правительства и членов королевской семьи, тогда как уровень жизни рядовых ливийцев оставался чрезвычайно низким.

Социальное недовольство многократно усиливал и тот факт, что монархия, больше не нуждавшаяся в иностранных субсидиях, не проявляла достаточного рвения в вопросе о пересмотре унизи-тельных, по мнению большинства, договоренностей о присутствии американских и британских военных контингентов. Как следствие, ливийское общество становилось все более восприимчивым к антиимпериалистической и панарабистской пропаганде «Радио Каира», которой монархии по большому счету нечего было противопоставить. Граждане требовали от правительства проведения самостоятельной политики в интересах арабской нации, но режим короля Идриса I под давлением США и Великобритании продолжал дистанцироваться от ближневосточного конфликта⁵⁷.

Политика же самой Великобритании характеризовалась определенной двойственностью. С одной стороны, Лондон, несомненно, имел весьма серьезные интересы в Ливии — и стратегические, и экономические. Во-первых, обладание правами на использование воздушного пространства и баз на территории Ливии имело огромное значение для реализации стратегии «к востоку от Суэца». Во-вторых, Ливия по-прежнему воспринималась как своего рода бастион против дальнейшего распространения радикального арабского национализма в регионе. В-третьих, Великобритания была заинтересована в развитии весьма выгодных торгово-экономических отношений, наращивании экспорта британского оружия в Ливию и импорте ливийской нефти, которая выделялась не только

⁵⁷ Например, в 1964 г., когда ФРГ объявила о своем решении признать Государство Израиль, Ливия стала единственным арабским государством, отказавшимся — под давлением Вашингтона — выслать западногерманских дипломатов из страны и разорвать дипломатические отношения с Берлином, в связи с чем по всей Ливии прошли многочисленные акции протеста.

своим высоким качеством, но и тем, что ее поставки не шли через Суэцкий канал.

С другой стороны, осуществлять полномасштабную интервенцию ради спасения Идриса I Великобритания была не намерена. Так, уже в 1961 г. Форин-офис телеграфировал в Триполи: «Для нас было бы совершенно контрпродуктивно использовать британские войска для удержания того или иного ливийского режима у власти»⁵⁸. В 1963 г. подобная позиция получила более развернутое обоснование: «Использование военной силы было бы сродни самоуничтожению и привело бы к дискредитации позиции Великобритании в Ливии и во всем арабском мире». Вместо этого британцы стремились сохранить «свободу маневра для урегулирования вопросов военного присутствия с любым гипотетическим режимом. Великобритания готова была бороться до конца только за сохранение прав использования воздушного пространства и прав на сосредоточение войск»⁵⁹.

В 1961 г. правительство Г. Макмиллана не планировало изменения позиции по ливийским объектам в преддверии пересмотра Договора, который должен был состояться в 1963 г., однако ставило вопрос об уменьшении субсидии и снижении численности войск в Ливии в целях экономии средств⁶⁰. В 1962 г. сами ливийцы попросили отложить пересмотр условий соглашения до 1965 г., чем несказанно обрадовали британское правительство. В докладе 1963 г. о британской политике в отношении Ливии говорилось: «Потеря Эль-Адема существенно затруднит осуществление оборонной политики к востоку от Суэца и на Ближнем Востоке в особенности <...>. Хотя еще придет время обсуждать целесообразность сохранения тех или иных объектов, все будет зависеть от судьбы оборонной политики “к востоку от Суэца”, а также от развития ситуации на Ближнем Востоке и в самой Ливии»⁶¹.

Критический момент для обсуждения дальнейшей судьбы британских баз наступил в начале 1964 г. 22 февраля Г.А. Насер объявил, что иностранные объекты на территории Ливии представляют угрозу для всех арабов, и призвал ликвидировать эти знаки иностранного присутствия. Его речь побудила ливийцев к протестам 8 и 9 марта 1964 г., и уже 16 марта ливийский парламент заявил

⁵⁸ PREM 11/4902 Telegram from Foreign Office to British Embassy Tripoli, 1 December 1961.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Future Policy, FP (61) 2 mtg, 10 October 1961, memorandum, Libya garrison, 20 January 1961, DEFE 7/2276.

⁶¹ Report, British policy towards Libya, 3 September 1963, CAB 21/5574.

о стремлении денонсировать Договор с Великобританией и обеспечить полный вывод всех иностранных войск⁶².

Британское консервативное правительство во главе с А. Дугласом-Хьюмом решило, что Великобритания не согласится на одностороннюю денонсацию Договора и не будет принимать участия в соответствующих переговорах. Форин-офис направил в Триполи следующее послание: «Мы поддерживаем наши базы на Кипре, в Ливии, Адене и Сингапуре потому, что считаем их ключевыми элементами обеспечения стабильности в мире. Они помогают сдерживать коммунистическую агрессию против наших союзников по СЕНТО и СЕАТО и позволяют нам выполнять наши обязательства [в сфере обороны. — В.Б.]»⁶³. Стремясь сохранить права на пользование воздушным пространством, сосредоточение и боевую подготовку войск, Лондон готов был идти на уступки по другим объектам. По итогам формальных англо-ливийских переговоров 1964 г. стороны пришли к согласию относительно эвакуации британского гарнизона, размещенного в Триполи, до конца 1965 г.; контингент, расквартированный в Бенгази, также должен был быть эвакуирован позднее, но точные сроки вывода установлены не были⁶⁴. При этом Великобритания планировала перебросить из Бенгази танковую роту в Эль-Адем и оставить пехотную роту в Тобруке, чтобы удовлетворить заинтересованность короля Идриса I в сохранении частичного британского военного присутствия (в первую очередь в Бенгази), которое он воспринимал как гарантию собственной безопасности. Мнение короля было крайне важно для Лондона, поскольку отношения между двумя странами базировались на его личной благожелательной позиции по отношению к Великобритании⁶⁵. Согласие на передислокацию британских войск на тех условиях, которые предлагал Лондон, король дал 22 февраля 1965 г.

К 1965 г. по мере ухудшения экономической ситуации в самой Великобритании вопрос об оказании финансовой помощи Ливии становился все острее. Большинство членов британского правительства хотели прекратить оказывать помощь Ливии (с 1958 по 1965 г. Великобритания платила 3,25 млн ф. ст.), особенно с учетом резкого увеличения доходов ливийской казны от продажи нефти.

⁶² 131 R Sarrell to R A Butler, 30 March 1964, FO 371/178879 — Цит. по: [Straw, 2010: 45].

⁶³ R Sarrell to R A Butler, 30 March 1964, FO 371/178879 — Цит. по: [Straw, 2010: 45].

⁶⁴ Контекст для принятия такого решения см.: [Straw, 2010].

⁶⁵ British Diplomatic Oral History Project: Interview with The Hon. Ivor Thomas Mark Lucas, 25 January 2005, conducted by Malcolm McBain. Available at: <http://www.chu.cam.ac.uk/archives/collections/BDOHP/Lucas.pdf> 22 January 1965.

Как считает британский исследователь Ш. Стру, поднимая вопрос об оплате, англичане хотели заставить ливийцев обсуждать пересмотр Договора, а не его одностороннюю денонсацию⁶⁶. В качестве альтернативы в Лондоне рассматривали выделение определенной суммы (впоследствии речь шла о символических 100 тыс. ф. ст.) в виде «связанного» гранта — средства должны были тратиться на оплату услуг британских специалистов по оказанию технического содействия. В декабре 1964 г. король Идрис I в беседе с послом Великобритании в Ливии Р. Сарреллом устно согласился на осуществление подобной «замены», и в 1965 г. прямая поддержка бюджета Ливии уже не осуществлялась.

В то же время у британских дипломатов было отличное от военных видение ситуации. Так, посол Р. Саррелл настаивал на необходимости сохранения полноценного гарнизона в столице Киренаики Бенгази в качестве «средства сдерживания местных горячих голов и египтян»⁶⁷. Присутствие в Бенгази имело значение и с точки зрения поддержания «легенды», созданной сознательной дезинформационной акцией — передачей британским штабным лейтенантом Алленом египетскому и иракскому военным атташе в 1965 г. плана операции «Рафффорд», положенного под сукно в декабре 1964 г. В документах Аллена специально делался акцент на «противодействии дестабилизации внутренней ситуации в Ливии, что заставило египтян думать, будто британцы могут вмешиваться во внутренние дела страны»⁶⁸. С точки зрения Ш. Стру, эта ложная информация удерживала Г.А. Насера от активных подрывных действий в Ливии.

Однако мнение британской дипломатической миссии в итоге не было принято во внимание. В отчете DOPC в ноябре 1965 г. подчеркивал: «Силы, дислоцированные в Ливии, малочисленны, а объекты сейчас не приносят почти никакой пользы ввиду того, что Великобритания не использует воздушное пространство Ливии из-за текущей позиции правительства Судана» — отмены права беспрепятственного пролета британской военной авиации над территорией Судана. Вскоре к временным трудностям добавились долгосрочные проблемы перестройки глобальной стратегии Великобритании «к востоку от Суэца». В Белой книге по вопросам обороны 1966 г. было заявлено о выводе всех военных баз Великобритании с территории зарубежных стран.

⁶⁶ OPD (65) 18, Anglo-Libyan Treaty Review, Note by Chairman of the Defence and Overseas Policy (Official) Committee, 25 January 1965, CAB 148/19.

⁶⁷ Vice-Chief General Staff Note to Chief General Staff, 5 May 1965, FO 371/184230. Nottingham — Цит. по: [Straw, 2010: 58].

⁶⁸ Цит. по: [Straw, 2010: 59].

Теперь представителям дипкорпуса в Ливии оставалось только акцентировать значение объектов для обеспечения национальных интересов Великобритании в самой Ливии, однако на региональной арене складывалась такая ситуация, при которой сохранение баз становилось все более рискованным.

Рубежным событием в этом отношении стала очередная арабо-израильская война. Уже в первый ее день — 5 июня 1967 г. — в ливийских городах прошли протесты против Израиля и стран Запада; в Бенгази разъяренные толпы атаковали британское и американское посольства. Гарнизон в Бенгази не получал никаких просьб о вмешательстве со стороны официальных ливийских властей, и его действия ограничились обеспечением защиты британских и американских граждан.

Ливийское общество было недовольно пассивной позицией монархии. Масла в огонь подлила и пушенная Г.А. Насером дезинформация о том, что быстрое поражение арабских сил объяснялось воздушной поддержкой, которую оказывали Израилю иностранные подразделения, расквартированные в Ливии. Режим короля Идриса I ввел чрезвычайное положение, комендантский час и запрет на публичные собрания и демонстрации, осудил и заключил в тюрьму семерых нефтяников, обвиненных в провоцировании беспорядков. Масштаб общественного недовольства требовал решительных шагов, и в итоге Ливия не только присоединилась к арабскому эмбарго против Великобритании и США, объявленному 6 июня 1967 г., но и обратилась 15 июня 1967 г. с просьбой к иностранным державам о выводе своих баз с территории Ливии. Вначале правительство лейбористов увидело в сложившейся ситуации прекрасный повод для того, чтобы денонсировать Договор и свернуть военное присутствие в Ливии, однако ситуация развернулась иначе. Посол Р. Саррелл и король Идрис I 22 июня договорились о том, что гарнизон должен быть выведен из Бенгази осенью, но база Эль-Адем должна остаться. Правитель Ливии видел в этом гарантию личной безопасности на тот случай, если ему придется бежать из страны в случае революции⁶⁹.

Генеральный штаб был чрезвычайно обеспокоен потенциальными последствиями полного вывода войск, ибо это неизбежно должно было повысить уязвимость ливийского режима к атаке со стороны Египта и увеличению подрывной активности оппозиции⁷⁰. В то же время о вооруженном вмешательстве речи не шло.

⁶⁹ E M Rose, Memorandum, to Private Secretary, 26 June 1967, FCO 39/118. — Цит. по: [Straw, 2010: 118].

⁷⁰ Annex A to COS 74, Report on Effect of Withdrawal, 27 July 1967, DEFE 24/313.

Вместо этого Великобритания делала ставку на «побуждение короля Идриса I и ливийского правительства к концентрации на проблемах борьбы с внутренними врагами и завоевании народного доверия» — это должно было стать ключевым средством сохранения умеренного прозападного режима в Ливии после смерти Идриса I⁷¹.

На повестку конференции глав арабских государств в Хартуме был вынесен вопрос о ликвидации иностранных военных баз, и в связи с этим король Идрис I, исходя из внутривосточных соображений, назначил на 1 и 10 августа проведение переговоров с Великобританией и США соответственно. Переговоры с англичанами были в некоторой степени «блефом» — единственным решением стал вывод британского гарнизона из Бенгази, что было согласовано еще двумя годами ранее.

Данный факт подчеркивал стремление обеих сторон сохранить минимальное военное присутствие Великобритании в Ливии, и с этой точки зрения весьма показательным, что обязательства по англо-ливийскому Договору в январе 1968 г. были подтверждены. При этом в соответствии со своей изменившейся глобальной стратегией Великобритания начала делать ставку на поощрение большей самостоятельности Ливии в вопросах обороны — «ливизацию» — и предполагала содействовать этому процессу посредством увеличения продажи вооружений и развития торговли. В 1968–1969 гг. с ливийским правительством были заключены контракты на поставку и обслуживание ракет «земля–воздух» на сумму около 135 млн ф. ст.

В 1968 г. по запросу Генерального штаба было проведено масштабное исследование того, как британские войска могут оказать военную помощь Ливии. Вероятность прямого военного вторжения Египта оценивалась невысоко, и в качестве единственного сценария рассматривалось вмешательство Каира в случае дестабилизации внутривосточной обстановки в Ливии — революции или длительного переходного периода⁷². В Форин-офис в 1969 г. допускали возможность военной интервенции, подчеркивая при этом, что для защиты британских интересов выгоднее всего будет выживание монархии, а слишком масштабное вмешательство или вмешательство на стороне не пользующегося общественной поддержкой, но легитимного правительства принесет больше вреда, чем пользы⁷³.

⁷¹ OPD (67) 64, British Forces in Libya, 26 July 1967, FCO 39/119. — Цит. по: [Straw, 2010: 174].

⁷² 56 JIC (68) 44 Final, UAR Threat to Libya up to End of 1973, 25 June 1968, CAB 163/92.

⁷³ Memorandum, Contribution to DP paper, 18 March 1969, FCO 46/314. P. 222.

Уже очень скоро обстоятельства сложились так, что британским политикам и военным пришлось на практике проверять свою готовность к решительным действиям в Ливии. 1 сентября 1969 г., в тот момент, когда король Идрис I находился в Греции, группа «свободных офицеров-юнионистов», возглавляемых 27-летним капитаном М. Каддафи, осуществила бескровный государственный переворот и провозгласила образование Ливийской Республики. Главный революционный лозунг — «свобода, единство, социализм», — прозвучавший уже в первом радиообращении М. Каддафи к ливийскому народу, был напрямую заимствован у «Свободных офицеров» Египта⁷⁴.

Форин-офис 2 сентября 1969 г. признал, что для восстановления монархии необходима политическая и военная поддержка со стороны Вашингтона⁷⁵. Государственный департамент не возражал против выхода на связь с королем Идрисом I, но активных действий самостоятельно предпринимать не хотел⁷⁶. 3 сентября министр иностранных дел Великобритании М. Стюарт сказал премьер-министру Г. Вильсону, что интервенция в Ливию будет рискованной, неправильной и будет идти вразрез с условиями Договора 1953 г. Стюарт считал, что лучшим способом защитить британские интересы будет признать новый режим как можно скорее⁷⁷. Британские дипломаты указывали на то, что память о «тройственной агрессии» была еще жива, и интервенция Великобритании в арабском мире будет воспринята крайне негативно. 4 сентября Г.А. Насер сообщил правительству Великобритании, что революция в Ливии застала его врасплох, и любое внешнее вмешательство, скорее всего, только усложнит ситуацию. В тот же день король Идрис I признал революцию свершившимся фактом и в обмене сообщениями с возглавляемым М. Каддафи Советом революционного командования (СРК) объявил об отсутствии намерений возвращаться в Ливию⁷⁸. К тому времени СССР и Египет уже поспешили признать новый режим, и дальнейшее промедление могло поставить британские интересы под угрозу. Советник и генеральный консул в Бенгази П. Уэйкфилд телеграфировал в Лондон, что все необходимые критерии для того, чтобы считать СРК новой властью

⁷⁴ Communique Number One. Broadcast by Colonel Qadhafi after taking power, 1 September 1969. Available at: <http://english.algaddafi.org/4/post/2015/07/communique-number-one-by-muammar-al-gaddafi-1969-september-1st.html> (accessed: 15.12.2015).

⁷⁵ D.J. Speares to P Hayman, Deputy Under-Secretary of State FCO and Superintending Under-Secretary North Africa Department, 2 September 1969, FCO 39/382.

⁷⁶ Washington to FCO, 3 September 1969, FCO 39/382.

⁷⁷ M. Stewart to H. Wilson, 3 September 1969, FCO 39/383.

⁷⁸ Washington to FCO, 4 September 1969, FCO 39/382.

в Ливии, соблюдены⁷⁹. Администрация Р. Никсона очевидно склонялась к признанию, и в итоге Лондон решил не искушать судьбу, признав революционное правительство.

Более того, англичане сразу попытались выстроить конструктивные отношения с новым режимом и договориться о продолжении использования военных объектов, применяя как инструмент давления заключенные при короле Идрисе I договоры о поставках оружия. Однако никаких плодов это не принесло. 29 сентября 1969 г. СРК объявил о том, что соглашения о базах продлены не будут. 23 декабря 1969 г. были заключены договоренности, в соответствии с которыми британские войска должны были быть выведены из Ливии не позднее 31 марта 1970 г. США в свою очередь должны были уйти из Вилус-Филда не позднее июня 1970 г. Наступила эпоха новой Ливии, которая всячески стала стремиться стать субъектом, а не объектом мировой политики.

* * *

Представленная в настоящей статье история политики Великобритании в отношении Ливии, безусловно, может показаться достаточно прозаичной по сравнению с другими, более яркими и драматичными случаями вмешательства во внутренние дела, которые имели место в тот же период в различных уголках земного шара — в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии и даже на Арабском Востоке. Вместе с тем в этой истории можно выделить ряд как совершенно уникальных черт, так и общих закономерностей, которые раскрывают общую логику международных отношений в первые два десятилетия «холодной войны».

Логика биполярного противостояния совершенно исключала возможность отказа западных держав, в частности Великобритании, от закрепления в Ливии вследствие ее крайне выгодного геостратегического положения в центре Средиземноморья. Однако с самого начала британским политикам и военным была очевидна стратегическая двусмысленность предпринимаемых ими шагов. Закрепляя свое военное присутствие, в том числе для того, чтобы обеспечить выживание лояльного прозападного монархического режима короля Идриса I, они закладывали бомбу замедленного действия. В долгосрочной перспективе рано или поздно этот вопрос должен был стать «яблоком раздора» и предметом общественного недовольства и способствовать изменению внутреннего расклада сил не в пользу Великобритании, однако реальных альтернатив подобному цугцвангу Лондон так и не предложил.

⁷⁹ Benghazi to FCO, 4 September 1969, FCO 39/382.

Действия Великобритании в Ливии определялись как собственно ливийским контекстом, так и развитием ситуации на Арабском Востоке и в мире в целом. Именно поэтому ливийская политика Лондона 1960-х годов столь разительно отличалась от политики в предыдущее десятилетие. В 1950-е годы, до открытия месторождений нефти, Ливия в целом не представляла для Соединенного Королевства интереса как объект внешнеэкономической политики, и все действия Лондона носили исключительно политико-стратегический характер. На региональном уровне Великобритания испытывала крайний алармизм в отношении распространения влияния Египта в эти годы и готова была, как показали события 1956 и 1958 гг., действовать превентивно, пусть и в ограниченном масштабе — во имя спасения режима короля Идриса I, считавшегося буфером на пути распространения влияния Египта на страны Магриба. К осуществлению действий интервенционистского характера предрасполагала и глобальная стратегия Великобритании, центральным элементом которой было сохранение военного присутствия «к востоку от Суэца» — военные объекты в Ливии, особенно база Эль-Адем, имели принципиальное значение для ее реализации; выпадение ливийского «звена» в цепочке баз от Гибралтара до Адена казалось подлинно катастрофическим.

В 1960-е годы, как мы видели, ситуация радикально изменилась. Ливия стала одним из ведущих производителей и экспортеров нефти в мире и одним из наиболее емких рынков на Арабском Востоке. Соответственно куда большее внимание Лондон стал уделять торгово-экономическим аспектам взаимоотношений, реализации стремления обеспечить экспорт оружия и бесперебойным поставкам нефти. Стратегия «к востоку от Суэца» постепенно себя исчерпала. С учетом серьезных финансово-экономических проблем, которые испытывала Великобритания в тот период, рисковать интересами в арабском мире и брать на себя контрпродуктивные обязательства по спасению агонизировавшего режима короля Идриса I, в довершение всех бед не имевшего прямых наследников, было невыгодно. Именно в этом кроется ключевая причина отказа Лондона от сколько-нибудь активных действий в ответ на революцию 1 сентября 1969 г., воплотившую в жизнь тот самый сценарий, к которому британские стратеги готовились на протяжении нескольких десятилетий.

Важно и другое. Можно допустить, что Великобритания в 1969 г. могла бы действовать иначе, если бы решительную позицию занял Вашингтон, на который после 1956 г. она все больше стала оглядываться в своей политике на Ближнем и Среднем Востоке. Однако, разделив с Вашингтоном бремя экономической помощи Ливии,

Лондон с учетом Договора 1953 г. сохранил полную ответственность за обеспечение безопасности режима короля Идриса I, но нести ее уже не был готов. В результате случай с Ливией можно рассматривать как еще один хрестоматийный пример ослабления британского влияния, которое стало одним из главных факторов развития международных отношений в «третьем мире» в первые два десятилетия «холодной войны».

Принятие Великобританией, наряду с Францией, на себя лидирующей роли в свержении режима М. Каддафи в 2011 г., спустя 42 года после революции 1 сентября, и ее участие в постконфликтном миростроительстве, на первый взгляд, весьма логичны, особенно с учетом истории вовлеченности Лондона в судьбу этого североафриканского государства в 1940–1960-е годы [Ronen, 2013]. Однако проведение исторических параллелей вряд ли будет выгодным для сегодняшней Великобритании. Образ «освободителей от диктатуры М. Каддафи» по определению не может продержаться настолько же долго, как образ спасителей от итальянского колониального гнета. Если же учесть, что и при короле Идрисе I этот образ столь продолжительное время поддерживался только благодаря главе государства, которого ливийцы воспринимали как общенационального лидера, то перспективы сегодняшней Ливии, раздираемой борьбой между многочисленными группировками, выглядят туманно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартенев В.И. У истоков «ливийской проблемы»: режим М. Каддафи в геостратегических расчетах США // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2007. № 4. С. 3–22.
2. Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / Отв. ред. В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М.: ИВ РАН, 2012.
3. Громыко А.А. Внешняя политика Великобритании: от империи к «осевой державе» // Космополис. 2005. № 1. С. 20–33.
4. Егорин А.З. История Ливии. XX век. М.: ИВ РАН, 1999.
5. Румянцев В.П. Д. Эйзенхауэр и решение об отправке американских войск в Ливан в 1958 г. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 88–92.
6. Румянцев В.П. Иордания в ближневосточной политике США и Великобритании в 1957–1958 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 332. С. 87–93.
7. Товмасын С.А. Ливия на пути независимости и социального прогресса. М.: Наука, 1980.
8. Ashton N.J. A microcosm of decline: British loss of nerve and military intervention in Jordan and Kuwait; 1958 and 1961 // The Historical Journal. 1997. No. 40. P. 1069–1083.

9. Baldinetti A. *The origins of the Libyan nation: Colonial legacy, exile, and the emergence of a new nation-state*. London: Routledge, 2010.
10. Bills S.L. *The Libyan arena: The United States, Britain, and the Council of Foreign Ministers, 1945–1948*. Kent, Ohio: Kent State University Press, 1995.
11. Blackwell S. *Britain, the United States, and the Syrian Crisis, 1957 // Diplomacy & Statecraft*. 2000. Vol. 11. No. 3. P. 139–158.
12. Blackwell S. *British military intervention and the struggle for Jordan: King Hussein, Nasser, and the Middle East Crisis, 1955–1958*. New York: Routledge, 2009.
13. Blackwell S. *A desert squall: Anglo-American planning for military intervention in Iraq, July 1958 — August 1959 // Middle Eastern Studies*. 1999. Vol. 35. No. 3. P. 1–18.
14. Blackwell S. *Pursuing Nasser: The Macmillan government and the management of British policy towards the Middle East Cold War, 1957–1963 // Cold War History*. 2004. Vol. 4. No. 3. P. 85–104.
15. Blackwell S. *Saving the king: Anglo-American strategy and British counter-subversion operations in Libya, 1953–1959 // Middle Eastern Studies*. 2003. Vol. 39. No. 1. P. 1–18.
16. Chivvis Ch. *Toppling Qaddafi: Libya and the limits of liberal intervention*. New York: Cambridge University Press, 2014.
17. Devereux D. *The formulation of British defence policy in the Middle East 1948–1956*. London: Macmillan, 1990.
18. Dixons P. *Britain's 'Vietnam Syndrome': Public opinion and British military intervention from Palestine to Yugoslavia // Review of International Studies*. 2000. Vol. 26. No. 1. P. 99–121.
19. Heefner G. *'A slice of their sovereignty': Negotiating the U.S. Empire of bases, Wheelus Field, Libya, 1950–1954 // Diplomatic History*. 2015. DOI: 10.1093/dh/dhv058.
20. Hehir A., Murray R.W. *Libya, the responsibility to protect and the future of humanitarian intervention*. New York: Palgrave Macmillan, 2013.
21. Holt A. *The foreign policy of the Douglas-Home government: Britain, the United States, and the end of empire*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2014.
22. Kelly S. *Cold War in the desert: Britain, the United States, and the Italian Colonies, 1945–1952*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2000.
23. Leech Ph., Gaskarth J. *British foreign policy and the Arab Spring // Diplomacy & Statecraft*. 2015. Vol. 26. No. 1. P. 139–160.
24. McNamara R. *Britain, Nasser, and the balance of power in the Middle East, 1952–1967: From the Egyptian revolution to the Six-Day War*. London: Frank Cass, 2003.
25. Ovendale R. *Britain, the United States, and the Transfer of Power in the Middle East, 1945–1962*. London: Leicester UP, 1996.
26. Ovendale R. *Great Britain and the Anglo-American invasion of Jordan and Lebanon in 1958 // The International History Review*. 1994. Vol. 16. No. 2. P. 284–303.
27. Pargeter A. *Anglo-Libyan relations and the Suez crisis // The Journal of North African Studies*. 2000. Vol. 5. No. 2. P. 41–58.

28. Ronen Y. Britain's return to Libya: From the battle of Al-Alamein in the Western Libyan Desert to the military intervention in the Arab Spring upheaval // *Middle Eastern Studies*. 2013. Vol. 49. No. 5. P. 675–695.
29. Schmidt E. *Foreign intervention in Africa: From the Cold War to the war on terror*. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.
30. Speller I. An African Cuba? Britain and the Zanzibar Revolution, 1964 // *Journal of Imperial and Commonwealth History*. 2007. Vol. 35. No. 2. P. 1–35.
31. Straw S.W. *Anglo-Libyan relations and the British military facilities*. Thesis submitted to the University of Nottingham for the degree of Doctor of Philosophy, August 2010.
32. Strong J. Interpreting the Syria vote: Parliament and British foreign policy // *International Affairs*. 2015. Vol. 91. No. 5. P. 1123–1139.
33. Syngé R. *Operation Idris: Inside the British Administration of Cyrenaica and Libya, 1942–1952*. London: Sylphium Press, 2015.
34. Turner M. *The politics of international intervention the tyranny of peace*. New York: Routledge, 2015.
35. Vandewalle D.J. *A history of modern Libya*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012
36. Worrall R.J. The strategic limitations of a Middle East client state by the mid-1950s: Britain, Libya, and the Suez Crisis // *Journal of Strategic Studies*. 2007. Vol. 30. No. 2. P. 309–347.

V.I. Bartenev

**THE BRITISH POLICIES TOWARDS LIBYA, 1951–1969:
PARADOXES OF SELECTIVE INTERFERENCE
AND INTERACTION WITH THE UNITED STATES**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In the 1950s the Middle East and North Africa underwent a genuine transformation under the influence of a powerful outburst of Arab Nationalism. The Free Officers' ascension to power in Egypt in 1952 and the subsequent actions by the Nasser regime created conditions for a significant shift in the regional balance of power to the detriment of vital interests of the leading Western powers and forced them to focus on preventing the fall of loyal monarchy regimes. The United Kingdom and the United States conducted such counter-subversive activities both to the East and to the West of Suez. The United Kingdom of Libya led by the King Idris I is one of the examples of such mistakenly forgotten Cold War battlefronts. The Great Britain asserted itself as a key actor on the Libyan scene and was the most active in establishing, strengthening and preserving the Libyan stronghold of the Western influence in a strategically important region. This paper aims to fill a gaping niche in the Russian historiography of international relations in the Arab East in the 1950–60s and to unveil a complex diplomatic game played by London in Libya

with the help of the newest works of British historians and declassified American and British documents mostly unknown to the Russian academic community. Examining the particularities of Britain's strategy of 'selective interference' and its interaction with the United States, the author draws the conclusion that the Libyan case can be considered another classical example of decline in the Britain's global influence, which became one of pivotal factors in international relations in the first two decades of the Cold War.

Keywords: intervention in internal affairs, Cold War, Third World, Middle East, North Africa, Libya, Egypt, Great Britain, United States.

About the author: *Vladimir I. Bartenev* — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, Director of Center for Security and Development Studies, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (vladimir.bartenev@fmp.msu.ru).

Acknowledgements: The research has been accomplished with a financial support from the Russian Foundation for Humanities, project № 15-01-00363 'External Intervention in Domestic Affairs of the Third World States during the Cold War: Testing Level-of-analysis Approach'.

REFERENCES

1. Bartenev V.I. 2007. U istokov 'liviiskoi problemy': rezhim M. Kaddafi v geostrategicheskikh raschetakh SShA [At background of 'Libyan problem': M. Qaddafi's regime in USA geopolitical accounts]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*, no. 4, pp. 3–22. (In Russ.)
2. Naumkin V.V., Popov V.V., Kuznetsov V.A. (eds.). 2012. *Blizhnii Vostok, Arabskoe probuzhdenie i Rossiya: chto dal'she?* [Middle East, Arab Awakening and Russia: What comes next?]. Moscow, IV RAN Publ., pp. 117–130. (In Russ.)
3. Gromyko A.A. 2005. Vneshnyaya politika Velikobritanii: ot imperii k 'osevoi derzhave' [Foreign policy of Great Britain: From empire to the axial state]. *Kosmopolis*, no. 1, pp. 20–33. (In Russ.)
4. Egorin A.Z. 1999. *Istoriya Livii. XX vek* [A history of Libya, 20th century.]. Moscow, IV RAN Publ. (In Russ.)
5. Rumyantsev V.P. 2007. D. Eizenkhauer i reshenie ob otpravke amerikanskikh voisk v Livan v 1958 g. [D. Eisenhower and the decision to send the U.S. troops to Lebanon (1958)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 305, pp. 88–92. (In Russ.)
6. Rumyantsev V.P. 2010. Jordaniya v blizhnevostochnoi politike SShA i Velikobritanii v 1957–1958 gg. [Jordan in the Middle Eastern policy of the United States and Great Britain in 1957–1958]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 332, pp. 87–93. (In Russ.)
7. Tovmasyan S.A. 1980. *Liviya na puti nezavisimosti i sotsial'nogo progressa* [Libya: Towards independence and social progress]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
8. Ashton N.J. 1997. A microcosm of decline: British loss of nerve and military intervention in Jordan and Kuwait; 1958 and 1961. *The Historical Journal*, no. 40, pp. 1069–1083.

9. Baldinetti A. 2010. *The origins of the Libyan nation: Colonial legacy, exile and the emergence of a new nation-state*. London, Routledge.
10. Bills S.L. 1995. *The Libyan arena: The United States, Britain, and the Council of Foreign Ministers, 1945–1948*. Kent, Ohio, Kent State University Press.
11. Blackwell S. Britain, the United States, and the Syrian Crisis, 1957 // *Diplomacy & Statecraft*. 2000. Vol. 11. No. 3. P. 139–158.
12. Blackwell S. British military intervention and the struggle for Jordan: King Hussein, Nasser, and the Middle East Crisis, 1955–1958. New York: Routledge, 2009.
13. Blackwell S. A desert squall: Anglo-American planning for military intervention in Iraq, July 1958 — August 1959 // *Middle Eastern Studies*. 1999. Vol. 35. No. 3. P. 1–18.
14. Blackwell S. Pursuing Nasser: The Macmillan government and the management of British policy towards the Middle East Cold War, 1957–1963 // *Cold War History*. 2004. Vol. 4. No. 3. P. 85–104.
15. Blackwell S. Saving the king: Anglo-American strategy and British counter-subversion operations in Libya, 1953–1959 // *Middle Eastern Studies*. 2003. Vol. 39. No. 1. P. 1–18.
16. Chivvis Ch. 2014. *Toppling Qaddafi: Libya and the limits of liberal intervention*. New York, Cambridge University Press.
17. Devereux D. 1990. *The formulation of British defence policy in the Middle East 1948–1956*. London, Macmillan.
18. Dixons P. 2000. Britain's 'Vietnam Syndrome': Public opinion and British military intervention from Palestine to Yugoslavia. *Review of International Studies*, vol. 26, no. 1, pp. 99–121.
19. Heefner G. 2015. 'A slice of their sovereignty': Negotiating the U.S. Empire of bases, Wheelus Field, Libya, 1950–1954. *Diplomatic History*. DOI:10.1093/dh/dhv058.
20. Hehir A., Murray R.W. 2013. *Libya, the responsibility to protect and the future of humanitarian intervention*. New York, Palgrave Macmillan.
21. Holt A. 2014. *The foreign policy of the Douglas-Home government: Britain, the United States and the end of empire*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.
22. Kelly S. 2000. *Cold War in the desert: Britain, the United States and the Italian Colonies, 1945–1952*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.
23. Leech Ph., Gaskarth J. 2015. British foreign policy and the Arab Spring. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 26, no. 1, pp. 139–160.
24. McNamara R. 2003. *Britain, Nasser and the balance of power in the Middle East, 1952–1967: From the Egyptian revolution to the Six-Day War*. London, Frank Cass.
25. Ovendale R. 1996. *Britain, the United States and the Transfer of Power in the Middle East, 1945–1962*. London, Leicester UP.
26. Ovendale R. 1994. Great Britain and the Anglo-American invasion of Jordan and Lebanon in 1958. *The International History Review*, vol. 16, no. 2, pp. 284–303.
27. Pargeter A. 2000. Anglo-Libyan relations and the Suez crisis. *The Journal of North African Studies*, vol. 5, no. 2, pp. 41–58.

28. Ronen Y. 2013. Britain's return to Libya: From the battle of Al-Alamein in the Western Libyan Desert to the military intervention in the Arab Spring upheaval. *Middle Eastern Studies*, vol. 49, no. 5, pp. 675–695.

29. Schmidt E. 2013. *Foreign intervention in Africa: From the Cold War to the war on terror*. Cambridge, Cambridge University Press.

30. Speller I. 2007. An African Cuba? Britain and the Zanzibar Revolution, 1964. *Journal of Imperial and Commonwealth History*, vol. 35, no. 2, pp. 1–35.

31. Straw S.W. 2010. *Anglo-Libyan relations and the British military facilities*. Thesis submitted to the University of Nottingham for the degree of Doctor of Philosophy, August.

32. Strong J. 2015. Interpreting the Syria vote: Parliament and British foreign policy. *International Affairs*, vol. 91, no. 5, pp. 1123–1139.

33. Sygne R. 2015. *Operation Idris: Inside the British Administration of Cyrenaica and Libya, 1942–52*. London, Sylphium Press.

34. Turner M. 2015. *The politics of international intervention the tyranny of peace*. New York, Routledge.

35. Vandewalle D.J. 2012. *A history of modern Libya*. Cambridge, Cambridge University Press.

36. Worrall R.J. 2007. The strategic limitations of a Middle East client state by the mid-1950s: Britain, Libya, and the Suez Crisis. *Journal of Strategic Studies*, vol. 30, no. 2, pp. 309–347.